

УДК 02:351.751.5(470.32)(091)
ББК 78.35+76.103(2)5–7

**ПРАКТИКА ЦЕНЗУРНОГО КОНТРОЛЯ НАД БИБЛИОТЕЧНЫМИ ФОНДАМИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.
(ПО МАТЕРИАЛАМ ГУБЕРНИЙ ЧЕРНОЗЕМНОГО ЦЕНТРА)**

© А. А. Строева, 2013

*Курский государственный университет
305000, г. Курск, ул. Радищева, 33*

Рассматривается осуществление администрацией губерний Центрально-Черноземного региона цензурного контроля за деятельностью библиотечных учреждений.

Ключевые слова: цензура, библиотека, губернская администрация, Центрально-Черноземный регион.

The article considers the realization of the censorship control on the activities of the libraries by the administration of the Central-Chernozem region.

Key words: censorship, library, provincial administration, the Central-Chernozem region.

Практика цензурного контроля над библиотечными фондами – неотъемлемая часть отечественной истории. Вопрос о роли цензуры в деятельности библиотек в Российской империи активно изучается [5, 7, 8, 11–13, 15 и др.]. Однако в рамках Центрально-Черноземного региона он получил недостаточное освещение.

Во второй половине XIX в. в социальной и культурной жизни российского общества произошли значительные перемены. Отмена крепостного права привела к либерализации политической обстановки в стране, вырос уровень грамотности населения, развивалась издательская деятельность.

В 1865 г. в России были приняты «Временные правила о печати», которые в течение 40 последующих лет выполняли функции цензурного устава в стране. Следует отметить, что они были довольно либеральны. Важнейшим нововведением стала судебная ответственность авторов и издателей за нарушение цензурных законов.

Несмотря на отмену предварительной цензуры в столицах, в провинции периодические издания продолжали выходить на условиях предварительной цензуры. Осталась прежней и структура цензуры в стране: она по-прежнему делилась на внутреннюю и иностранную, а внутренняя – на светскую и духовную. Цензура также разделялась на предварительную и карательную. Однако карательная цензура фактически продолжала оставаться предварительной, так как ей подвергалась литература после напечатания, но до выхода ее в свет.

Постепенно цензурное законодательство в стране ужесточалось, а «Временные правила» 1865 г. обростали новыми дополнениями. На практике печать зависела от «усмотрения» цензурных органов и произвола администрации.

В начале XX столетия в Российской империи отменена предварительная цензура сначала для периодической (24 ноября 1905 г.), а затем и для непериодической печати (26 апреля 1906 г.), восстановлена судебная ответственность за преступления в области цензуры и печати.

Однако цензура так и не была уничтожена. В последующие несколько лет в стране ужесточалась цензурная политика (сохранялось административное преследование печати, администрация по-прежнему могла изымать книги).

Эти тенденции прослеживались и в развитии библиотек.

Известный исследователь русской культуры Н. И. Яковкина приводит мнение современника, свидетельствующее об усилившейся тяге представителей разных сословий к знаниям и чтению: «чтение, которое наш деловой человек считал прежде бездельем, купец и мещанин – не свойственным им препровождением времени, духовный – недостойным занятием, мало-помалу начинает приобретать привлекательность» [17].

Ускоряются темпы роста книгоиздания в стране. Это, в свою очередь, привело к увеличению числа книжных магазинов и лавок. По некоторым данным за 10 лет (с 1883 по 1893 г.) количество книжных магазинов в России увеличилось в несколько

раз (с 1377 до 1795 соответственно) [2, с. 170]. Причем в этот книгоиздательский процесс активно вовлекается и провинция, где успешно развивается книготорговля.

Тяга к знаниям представителей разных сословий повлияла на развитие сети библиотек во второй половине XIX в. В 1850–1860-е гг. в стране наблюдался настоящий библиотечный бум. Как отмечает Е. А. Дегальцева, за пять лет в Министерство внутренних дел поступило около 1 тыс. прошений об открытии публичных библиотек [7].

К концу XIX в. появились новые типы публичных библиотек: земские (в 1904 г. это примерно 2,5 тыс. из 10 существовавших в стране), бесплатные народные читальни, книжные склады и др. К 1914 г. в России насчитывалось около 76 тыс. библиотек, и примерно 78% из них находилось при гимназиях, городских училищах и земских школах.

По данным Всероссийской переписи населения 1897 г., библиотечным делом занималась примерно 1 тыс. человек, а книжной торговлей – около 5 тыс. человек [9, с. 218]. Публичные библиотеки открывались не только в столицах, но и в провинциальных и уездных городах, где они играли главную роль в распространении книги и знаний среди населения.

Согласно Н. И. Яковкиной, в России в 1860 г. насчитывалось 38 публичных библиотек, а уже в 1861 г. их количество возросло до 43 [17]. Однако по данным Н. А. Рубакина количество читателей в библиотеках оставалось довольно низким. Так, он приводит цифры по Воронежу, где читателями библиотеки числились 17 человек [14, с. 83–91].

В целом же можно отметить, что к концу XIX в. в России увеличилось число людей, потребляющих социальную информацию из печатной продукции. Эта тенденция не осталась незамеченной оппозицией. Печатное слово становится трибуной для пропаганды антиправительственных идей. Нежелательная литература попадает и в библиотеки. Это время, когда цензура должна была стать фильтром для враждебной правительству информации.

Так, в 1902 г. в губернском Курске работало шесть библиотек, а в уездах их количество было значительно выше (например, в Суджанском уезде 36, в Тимском – 20). Кроме того, в Курске функционировало восемь книжных магазинов, один книжный склад, семь типографий и литографий, два заведения каучуковых и медных штемпелей и печатей, одно заведение для печатания визитных карточек и свадебных билетов и семь фотографий. В уездных городах таких заведений было намного меньше, однако они заметно обгоняли Курск по количеству библиотек и читален.

В Тимском уезде работала одна книжная лавка, одна типография и четыре книжных склада, а в Суд-

жанском – две типографии, три книжные лавки, девять книжных складов и одна фотография¹. В Тамбове в 1901 г., как отмечено в Обзоре Тамбовской губернии, кроме ученических и бесплатных народных читален функционировала 671 народная библиотека [10, с. 70].

В 1903 г. в 13 уездах Орловской губернии насчитывалось 88 библиотек и читален. В самом же Орле их было всего две – Тургеневская бесплатная библиотека и читальня и Пушкинская библиотека. Зато из 25 книжных магазинов, складов и лавок по губернии 10 находились в Орле². В 1914 г. в восьми уездах и городах Воронежской губернии (Острогожский, Павловский, Нижнедевицкий, Задонский, Новохоперский, Богучарский, Валуйский уезды, а также город Биючи с его уездами) насчитывалось в общей сложности 48 библиотек и читален³.

Можно предположить, что такое положение дел связано с численностью населения. Губернские города были более густо населены и являлись культурными и экономическими центрами губерний. А большее количество библиотек и читален в уездах, возможно, объясняется покупательной способностью населения.

Цензурный надзор над библиотечными фондами и книготорговой сетью стал одной из важнейших форм государственного контроля над формированием общественного мнения, попыткой власти укрепить существующий строй и предотвратить влияние антиправительственных сил на широкие массы населения. Для этого уже к концу XIX в. значительно сузили круг литературных произведений, которые могли поступать в библиотеки и выдаваться читателям.

Например, были запрещены к продаже и обращению в библиотеках сочинения Л. Толстого «Сказка об Иване дураке и его двух братьях: Семене-воине и Тарасе-брюхане и немой сестре Маланье и о старом дьяволе и трех чертенятах», брошюры «Сочинения Фердинанда Лассалья»⁴ (пер. В. Зайцева. Т. 1. – СПб, издание Н. Полякова, 1870 г.), А. Зимин «Как могут крестьяне сами себе помочь?» (Книгоиздательство «Молодая Россия». – М., 1906. Цена 5 коп.)⁵. Конфискация этих экземпляров была поручена уездным исправникам. Из фондов библиотек изымались произведения идеологов и сторонников оппозиционных царскому режиму партий, а также любые сочинения, отражающие подобные взгляды. В 1894 г. Главное

¹ Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 6965. Л. 25–26, 56–58, 60–64.

² Государственный архив Орловской области (далее – ГАОО). Ф. 580. Стол 2. Д. 2979.

³ Государственный архив Воронежской области (далее – ГАВО). Ф. И-6. Оп. 1. Д. 2020.

⁴ ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1413.

⁵ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 336.

управление по делам печати запретило к обращению в читальнях и других подобных заведениях II том сочинения К. Маркса «Капитал. Критика политической экономии» (пер. с нем., под ред. Ф. Энгельса. – СПб, 1885 г.)⁶. Под запрет попали и сочинения К. Каутского, Э. Берштейна, некоторые произведения М. Горького и др. В 1916 г. было конфисковано несколько запрещенных книг из библиотеки Курского общественного клуба⁷.

Стоит заметить, что наличие таких запретов, санкционированных «сверху», ограничивало репертуар массового чтения, а следовательно, и просветительскую функцию библиотек. По подсчетам К. И. Абрамова, количество книг, разрешенных для обращения в общественных читальнях и публичных библиотеках в середине 1890-х гг., составило примерно 3,3% от общего числа всех изданных на русском языке книг (это около 3 тыс. книг) [1, с. 131].

С 1884 г. Главное управление по делам печати трижды выпускало «Алфавитный список произведений печати, запрещенных к обращению в публичных библиотеках и общественных читальнях». При этом с 1894 г. существовал запрет для владельцев библиотек на разглашение содержания списков запрещенной литературы [16, с. 121]. С 1872 по 1914 г. Главным управлением по делам печати вообще издавалось огромное количество различных алфавитных перечней для руководства по цензурному ведомству: «Список иностранных сочинений, рассмотренных иностранной цензурой»; «Список драматических сочинений, рассмотренных цензурой драматической» (до 1872 г.); «Указатель по делам печати» (1871–1894 гг.); «Алфавитный каталог изданиям на русском языке, запрещенных к обращению и перепечатыванию в России» (1894–1906 гг.); «Каталог запрещенных и дозволенных с исключениями книг, рассмотренных иностранной цензурой на разных языках» (1898–1905 гг.); «Алфавитный указатель книг и брошюр, а также номеров повременных изданий, арест на которые утвержден судебными установлениями» (с 1905 г.); «Алфавитный список сочинений, запрещенных к обращению в публичных библиотеках и общественных читальнях» (1884–1893 гг.); «Алфавитный список драматических сочинений, дозволенных к представлению на сцене народных театров безусловно или с исключениями» (с 1891 г.). Для получения оперативной информации Главным управлением два раза в неделю рассылались циркулярные распоряжения о наложении и снятии арестов на издания, об их уничтожении по судебному приговору⁸.

Отмена списков запрещенной литературы в 1905 г. вызывала затруднения на местах. Многие оставались непонятным провинциальным чиновникам-непрофессионалам, которые осуществляли надзор за печатью на местах. Например, в 1906 г. курский губернатор обратился в Главное управление по делам печати, поскольку в Курске появились в продаже дешевые издания, причем некоторые из них, по мнению губернатора, противоправительственного направления. «За неимением прежних и новейших списков запрещенных изданий, – пишет в своем обращении губернатор, – и тех, которые по установлениям данного времени не могут распространяться путем продажи, прошу Главное управление выслать мне означенные списки и полные каталоги запрещенных к обращению в библиотеках и читальнях изданий и разъяснить, как поступать с появившимися изданиями, не бывшими на рассмотрении цензуры»⁹.

Случаи таких обращений не единичны. Из Главного управления ответили, что нового списка запрещенных к продаже изданий нет. А если в продаже есть книги, которые должны выходить с разрешения цензуры, но не дозволены ею, то виновных следует преследовать по ст. 1020 «Уложения о наказаниях».

Известный исследователь русской цензуры А. В. Блюм называл наличие списков, по которым производилось изъятие литературы, «библиотечно-педагогической цензурой» [подробнее см. 3, 4]. Он характеризует ее как надзор за распространением и чтением книг, разрешенных предварительной цензурой, но по тем или иным причинам оказавшихся нежелательными для массового («народного» или детского) чтения [3]. То есть такая литература должна была изыматься из библиотечных фондов и книготорговой сети.

На открытие типографий, библиотек, читален также следовало получить разрешение цензуряющего органа, более того, даже для продажи картин и бланков открытых писем в книжном магазине требовалось особое разрешение¹⁰. При этом проект устава предполагаемой библиотеки подавался сначала губернатору, а он в свою очередь обращался с этим вопросом в Главное управление по делам печати, где устав тщательно проверялся как сотрудниками Главного управления и сотрудниками департамента полиции. Только после этого выносилось решение по конкретному вопросу. Обычно в составленный проект вносились некоторые поправки.

Так, в марте 1898 г. к министру внутренних дел обратился начальник Тамбовской губернии

⁶ ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5048. Л. 2.

⁷ ГАКО. Ф. 1642. Оп. 2. Д. 746. Л. 133, 138.

⁸ ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8580. Л. 1–2; Д. 10101. Л. 1–2.

⁹ РГИА. Ф. 776. Оп. 22. Д. 24. 1906 г. Л. 39.

¹⁰ См., например, ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6885; Д. 6883; Д. 6886; Д. 8981; Д. 10093.

с просьбой рассмотреть проект устава библиотеки, которую уездная земская управа предполагала открыть на собственные средства для служащих уездного земства. Прошение было перенаправлено в департамент полиции «для заключения по настоящему предмету». Через два месяца из Департамента полиции в Главное управление по делам печати сообщили, что не видят препятствий для утверждения проекта устава. В итоге в июне тамбовскому губернатору из Главного управления был дан ответ: «Препятствий по утверждению устава не встречается. Следует внести изменение в § 2 и изложить его в следующей редакции “библиотека относительно содержания подчиняется действию правил, изложенных в примечании к ст. 175 устава о цензуре и печати”»¹¹.

Показателен и другой случай. Орловский губернатор в марте 1899 г. обратился в Главное управление по делам печати с повторным прошением к министру внутренних дел для утверждения проекта устава публичной библиотеки, открытие которой было приурочено к столетию со дня рождения А. С. Пушкина.

Уже в мае из Департамента полиции в Главное управление сообщили, что не видят препятствий в утверждении устава библиотеки с тем только, что необходимо внести изменения «...в пар. 2 в том смысле, чтобы библиотека имела лишь право ходатайствовать об устройстве публичных лекций, концертов и проч., а не устраивать их самостоятельно, а также, безусловно, не допускать в качестве учредителей библиотеки: Александра Рейнгардта, Алексея Пешехонова, Алексея Никитина, Сергея Богословского и Сергея Пересь, как лиц, о коих имеются неблагоприятные сведения»¹².

Однако в окончательном ответе Главного управления орловскому губернатору из замечаний и изменений, которые должны быть внесены в проект устава, накопилось уже около десяти, а именно: исключить слово «рукописи», так как их не должно быть в библиотеке; изменить смысл параграфа, чтобы библиотека имела лишь право ходатайствовать об устройстве публичных лекций, концертов и т. п., а не устраивать их самостоятельно; исключить параграф о праве библиотеки открывать в своем помещении торговлю книгами, учебными пособиями и канцелярскими принадлежностями; оговорить, что членами библиотеки и имеющими право голоса в общих собраниях считаются все годовые подписчики; дополнить устав новым параграфом такого содержания: «Если, независимо от присвоенного губернатором права (ст. 321 т. II Св. Зак. изд. 1892 г., Общ. Губ. учр.) закрывать общественные собрания при обнаруже-

нии в них чего-либо противного государственному порядку и общественной безопасности и нравственности, губернатор признает необходимым закрыть библиотеку по другим причинам, то он представляет об этом на усмотрении министерства внутренних дел»¹³, а также другие замечания, преследовавшие цель исключить неточности в уставе, которые можно было бы трактовать двояко. И только при условии внесения всех указанных изменений устав мог быть утвержден.

В губерниях Центрально-Черноземного центра во второй половине XIX – начале XX в. отдельные цензурные установления отсутствовали, а обязанности по цензуре выполняли чиновники губернской администрации. Цензорскую деятельность в провинции по совместительству с обязанностями по своей основной должности осуществляли губернатор, вице-губернатор, чиновник особых поручений при губернаторе, чины исполнительной и политической полиции, а также служащие почтово-телеграфных контор. Надзор за библиотеками и книготорговлей в губернии возлагался на чиновника особых поручений при губернаторе, на чины политической и исполнительной полиции.

Рассмотрением каталогов библиотечных собраний и контролем за их пополнением, а также изъятием запрещенной литературы занимались жандармы и полицейские, а на чиновника при губернаторе возлагалась обязанность по рассмотрению прошений об открытии библиотек, их учету и контролю за деятельностью чинов полиции¹⁴. Так, должность чиновника особых поручений, наблюдающего за типографиями, литографиями, книжными магазинами, библиотеками для чтения и тому подобными заведениями в Воронежской губернии занимали в 1906 г. Скрыбин, в 1908 г. Ястребцов¹⁵, в Курске – в 1866 г. Соколовский, П. К. Снежков, в 1914 г. – Н. И. Златоверховников¹⁶. Все циркулярные распоряжения Главного управления по делам печати по соответствующим вопросам пересылались губернатором чиновнику особых поручений – для руководства и исполнения.

Нередко в основе решений в области цензурного контроля над библиотеками и книготорговой сетью лежали случаи, имевшие место в разное время в других местностях империи. Например, в ноябре 1866 г. курский губернатор сообщил чиновнику особых поручений П. К. Снежкову, что министр внутренних дел весьма обеспокоен положением, сложившимся в Казанском учебном округе, где воспитанники гимназий и семинарий пользовались услугами публичных библиотек. При

¹¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 22. Д. 36. 1898 г. Л. 5–7.

¹² РГИА. Ф. 776. Оп. 22. Д. 28. 1899 г. Л. 2.

¹³ РГИА. Ф. 776. Оп. 22. Д. 28. 1899 г. Л. 3.

¹⁴ ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1413. Л. 252.

¹⁵ ГАВО. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 716. Л. 2, 4.

¹⁶ ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1413. Л. 1.

рассмотрении каталогов этих библиотек были обнаружены вредные для юношества книги, которые не должны были быть допущены к напечатанию вообще.

Поскольку такая ситуация существовала и в других учебных округах, то от местных цензурных чиновников, наблюдающих за книготорговлей и библиотеками, требовалось проверить, соблюдался ли порядок открытия этих заведений, определенный ст. 25 и 26 III отделения Цензурного устава 1865 г., и ведутся ли ими каталоги по книгам и продажам. За хранение и продажу изданий, запрещенных к обращению, было предусмотрено денежное взыскание не свыше 250 руб. [6].

Также меры, по мнению министра внутренних дел, были необходимы для сохранения нравственности народа, а особенно «учащегося юношества». По распоряжению губернатора выполнение этих предписаний возлагалось на чины полиции. Они должны были подвергать виновных взысканиям и штрафам. Ответственным за проведение этих мероприятий назначался чиновник особых поручений П. К. Снежков, который должен докладывать о результатах лично губернатору, а тот, в свою очередь, – в Главное управление по делам печати¹⁷.

Осуществляя надзор за книжной торговлей и библиотечным делом, чиновник особых поручений при губернаторе обязан был проверять, допущены ли цензурой вновь появившиеся в магазинах и библиотеках книги. Распоряжения об осуществлении такой проверки он получал от губернатора.

Например, в августе 1906 г. в магазинах Курска были выставлены на продажу недавно выпущенные в свет книги «История революционного движения Туна», «Программы русских политических партий», «Сказание о царе Симионе» и поэтический сборник «Под грозой». По распоряжению губернатора Н. И. Златоверховников, чиновник особых поручений, надзиравший в губернии за библиотеками, типографиями и тому подобными заведениями, провел проверку и выяснил, что первые две книги запрещены цензурой. Несколько экземпляров этих сочинений было изъято в трех магазинах Курска¹⁸.

Чиновник особых поручений также занимался изъятием запрещенной литературы. Так, например, в июне 1904 г. губернатор сообщил Н. И. Златоверховникову, что министр внутренних дел запретил распространять изданную с разрешения предварительной цензуры брошюру «Китай и мы», отпечатанную в Курске в типографии братьев Н. и И. Ваниных в том же году¹⁹.

Нередко те или иные произведения сначала допускались цензурой к обращению, а потом запрещались по разным основаниям, иногда книги печатались вовсе без цензурного разрешения. Конфискацией такой продукции также занималась полиция. Например, в 1902 г. из продажи и библиотек изымалось произведение графа Л. Н. Толстого «Дорого стоит» и другие книги, отпечатанный в Москве в типографии А. П. Поплавского без предварительной цензуры – роман «Иоанниты» и др.²⁰

Чиновник должен был проверить наличие указанной литературы в библиотеках и торговых точках, а при обнаружении – изъять. Таким образом, чиновник особых поручений надзирал за тем, чтобы к общественному употреблению не допускалась запрещенная продукция. А о проведенных проверках и их результатах он отчитывался перед губернатором.

На чины полиции Курской губернии возлагалась обязанность лично оповещать книготорговцев и хозяев библиотек об утверждении и наложении арестов на отдельные номера повременных изданий и отдельные сочинения, а также сообщать эту информацию начальникам почтово-телеграфных контор для задержания таких произведений на почте²¹.

Часто функции по изъятию нежелательной и запрещенной печатной продукции выполняли чиновники исполнительной и политической полиции, например, значительная ее часть изымалась жандармскими офицерами при обысках у политически неблагонадежных лиц. Эти известия печатались в губернских ведомостях. Книжным магазинам и другим торговцам, а также содержателям библиотек, запрещалось хранение, продажа и распространение изданий, о запрете которых было объявлено через местную полицию.

Например, в 1906 г. наблюдающим за печатью в Курске был наложен арест на № 23, 24 газеты «Голос Курска», о чем сообщалось через местную полицию. Однако в 1914 г. Главное управление сделало замечание губернаторам, а они в свою очередь полицейским о том, что те плохо выполняют свою работу и не только не помещают необходимые объявления в губернских ведомостях, но и не изымают из обращения книги, которые запрещались в других городах империи²². Кроме того, полиции по распоряжению губернатора и чиновника особых поручений собирала сведения о количестве библиотек, типографий, фотографий и книжных лавок по губернии.

И все же, несмотря на постоянный контроль со стороны местных властей, случаи нарушения

¹⁷ ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1413. Л. 6–7.

¹⁸ ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7774. Л. 35, 38–39.

¹⁹ ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7517. Л. 63.

²⁰ ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9704. Л. 142, 156.

²¹ ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 10101. Л. 674.

²² ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8580. Л. 3.

цензурного устава содержанием библиотек и книготорговцами встречались.

Надзор за деятельностью библиотек признавался чрезвычайно важным и ответственным делом, поскольку эти просветительские учреждения могли служить проводником нежелательных идей для широких слоев населения.

Такой случай имел место в г. Щигры Курской губернии. Здесь, на основании утвержденного министром внутренних дел 24 января 1901 г. устава, в том же году была открыта Щигровская общественная Марковская библиотека с кабинетом для чтения. Однако она просуществовала недолго. Сначала ее деятельность не выходила за рамки Устава, но затем выявились вредные тенденции, и библиотека «стала служить делу объединения и сплочения неблагонадежных слоев населения г. Щигры»²³.

Уже в 1906 г. полицией было замечено, что библиотека находится в ведении лиц неблагонадежных в политическом отношении, которые часто собирались в библиотеке и «о чем-то рассуждали, сопровождая разговоры разными жестами»²⁴, а при появлении полицейского замолкали. (Речь шла о Романевском, Садельникове, Корсакове, которые, по видимому, принадлежали к местной эсеровской организации).

Кроме того, библиотекарем упорно хотели назначить еврейку Золотухину, которая состояла под надзором полиции как политически неблагонадежная. Не выполняли эти лица и рекомендаций местного протоиерея О. Васютина, советовавшего приобрести в собрание библиотеки книги против социализма и анархизма, ссылаясь на их отсутствие в книжных магазинах.

На этом основании у местной полиции появилось подозрение, что библиотека может служить местом противоправительственных сборов и пунктом местных агитаторов. Впечатление «как о крайне вредной» библиотеке вынес и попечитель Харьковского учебного округа, посетивший ее в 1906 г.

Осенью 1907 г. в помещении библиотеки был проведен обыск, в результате которого полиция изъяла 200 экз. нелегальной литературы партии социалистов-революционеров и гектограф с приспособлениями для печатания²⁵. По предложению Щигровского уездного исправника, 20 ноября 1907 г. распоряжением губернатора В. Борзенко деятельность библиотеки была приостановлена²⁶. Вскоре губернатор отправил запрос министру внутренних дел о ее полном закрытии.

В конце декабря 1907 г. министр внутренних дел ответил курскому губернатору, что библиотеку следует закрыть, поскольку ст. 175 «Устава о цензуре и печати» и § 18 «Устава библиотеки», утвержденного министром внутренних дел 24 января 1901 г. позволяют это сделать²⁷. Однако на основании «Временных правил» 4 марта 1906 г. о союзах и обществах вопрос о закрытии частной библиотеки необходимо было представить на усмотрение местного губернского по делам об обществах присутствия. В результате в 1908 г. библиотеку закрыли, а Н. Марков передал фонды этой библиотеки имени его брата (66 книг) Щигровскому уездному земству²⁸.

Однако не всегда нарушения обнаруживались на местах. Иногда даже местные цензурные органы пропускали недозволенную литературу в библиотечных фондах, а нарушения обнаруживались на более высоком уровне.

При рассмотрении Каталога книг Суджанской земской общественной библиотеки в марте 1914 г. инспектор по делам печати в Харькове обнаружил и те издания, которые были включены в алфавитный указатель запрещенных книг от 1 января 1914 г. В книги А. В. Луначарского «Отклики жизни» и Ф. Энгельса «От утопии к науке». Обнаружились и другие нарушения: в некоторых случаях не указывались тома и части сочинений, а в повременных изданиях – годы, «посему судить о них можно лишь при сличении на месте»²⁹. Например, на сочинениях Ф. Лассалья не обозначался том, а на некоторых журналах – годы выпуска.

Свои замечания харьковский инспектор по делам печати направил курскому губернатору, а тот – старшему чиновнику особых поручений Н. И. Златоверховникову, потребовав проверить этот каталог с точки зрения легальности содержащихся в нем книг. После дополнительной проверки было изъято 24 книги и 10 периодических изданий, среди которых сочинения К. Маркса и Ф. Энгельса «Капитализм и коммунизм», К. Каутского «Экономическое развитие и общественный строй» и др.³⁰.

В конечном итоге, получив отчет от Н. И. Златоверховникова, губернатор потребовал от председателя Суджанской земской управы сообщить ему полный список периодических изданий и книг, выписанных для библиотеки в 1914 г., и поставил ее под особый контроль.

Не всегда за единичное нарушение библиотеки подлежали закрытию. Так, в мае 1914 г., проверяя сведения, полученные агентурным путем о приоб-

²³ ГАКО. Ф. 148. Оп. 1. Д. 2. Л. 8.

²⁴ ГАКО. Ф. 148. Оп. 1. Д. 2. Л. 4.

²⁵ ГАКО. Ф. 148. Оп. 1. Д. 2. Л. 2, 1 а.

²⁶ ГАКО. Ф. 148. Оп. 1. Д. 2. Л. 6.

²⁷ ГАКО. Ф. 148. Оп. 1. Д. 2. Л. 2, 9.

²⁸ ГАКО. Ф. 148. Оп. 1. Д. 2. Л. 16–45.

²⁹ ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8552. Л. 47.

³⁰ ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8552. Л. 51.

ретении библиотекой воронежского общества приказчиков запрещенных изданий, начальник воронежского губернского жандармского управления полковник Конисский произвел обыск. Это был не первый обыск в здании библиотеки. Еще в 1912 г. при проведении аналогичного мероприятия в библиотеке общества обнаружили 123 экз. запрещенных изданий, а также два номера журнала партии социалистов-революционеров «Знамя труда».

В 1914 г. при осмотре фондов библиотеки не найдено революционных изданий. Но отобрано 17 книг и брошюр, арест на которые был наложен судебными установлениями и 15 книг и брошюр, «хотя и не значащихся в каталогах запрещенных изданий, но по содержанию своему преступных» (среди них, например, «Экономическое учение К. Маркса в понимании К. Каутского», 1905 г., работы Л. Г. Дейча и др.).

«Кроме означенных брошюр и книг в библиотеке были обнаружены два напечатанных на пишущей машинке списка книг, в каковых списках значатся между прочим и книги, запрещенные к обращению. Назначение этих списков было неизвестным и допросами не могло быть установлено для чего означенные списки предназначались. Не было допросами и осмотрами библиотечных служебных книг установлено и то, чтобы оказавшиеся в библиотеке общества запрещенные книги и брошюры были выдаваемы для чтения членам общества. Из объяснения же председателя правления общества видно, что запрещенные книги попадали в библиотеку случайно, только потому, что лица, состоявшие во главе общества, не знали о запрещениях, наложенных на ту или другую книгу»³¹.

Во второй половине XIX – начала XX в. в губерниях Черноземного Центра России наблюдался рост популярности книги и просвещения, а следовательно, увеличилось количество библиотек. Кроме того, появилась возможность распространения антиправительственной литературы через библиотеки, что, естественно, добавляло много хлопот губернской администрации и в области цензурного контроля над этими учреждениями. Исполнение цензорских полномочий в губерниях Центрально-Черноземного региона, где не было отдельных цензурных установлений, возлагалось властями на чиновника особых поручений при губернаторе, а также на чины полиции.

Контроль за содержанием библиотечных фондов и надзор за деятельностью библиотек вообще были частью государственной цензурной политики, направленной на сохранение существующего строя, поддержание образа верховной власти и установление контроля за информационными каналами.

Не последнее место в борьбе с распространением антиправительственных сведений занимал и контроль за книжной торговлей и проведение библиотечных чисток. Из фондов библиотек и читален изымались произведения лидеров оппозиции, а также все печатные материалы, на которые налагался запрет.

Литература

1. *Абрамов К. И.* История библиотечного дела в СССР : учебник. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Книга, 1970. – 456 с.
2. *Баренбаум И. Е.* История книги : учебник. – М. : Книга, 1984. – 247 с.
3. *Блом А. В.* Педагогическая цензура // Открытый текст: электрон. период. изд. – URL: http://www.opentextnn.ru/censorship/?id=3059#_edn1 (дата обращения: 10.10.2012).
4. *Блом А. В.* Цензурная регламентация репертуара массового чтения в России (конец XIX – первой половины XX вв. // Библиотеки и чтение в ситуации культурных изменений : материалы Междунар. конф. (Вологда, 18–22 июня 1996 г.). – Вологда, 1996. – С. 23–37.
5. *Бойкова О. Ф.* Правовое обеспечение библиотечного дела в России. Основные этапы строительства и развития XVIII – начала XX вв. // Библиотека в контексте истории. – М., 2001. – С. 22–27.
6. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «О некоторых переменах и дополнениях в действующих ныне цензурных постановлениях». 6 апреля 1865 г. // Полн. собр. законов Рос. империи. Собр. 2. – Т. 40. – № 41990. – Разд III. – Ст. 29–30.
7. *Дегадьцева Е. А.* Цензура в деятельности первых библиотек в Сибири // Цензура и доступ к информации: история и современность : тез. докл. Междунар. науч. конф. – СПб., 2005. – С. 26–28.
8. *Ефремова Е. Н.* Цензура в библиотеках в уральской провинции в начале XX в. // Цензура в России: история и современность. – СПб., 2008. – Вып. 4. – С. 172–184.
9. *Зезина М. Р., Кошман Л. В., Шульгин В. С.* История русской культуры : учеб. пособие. – М. : Высш. шк., 1990. – 432 с.
10. Обзор Тамбовской губернии за 1901 год. Приложение к всеподданнейшему отчету тамбовского губернатора. – Тамбов : Типо-литогр. Губерн. правления, 1903. – 130 с.
11. *Павлов М. А.* Контроль за народными библиотеками и чтениями со стороны Министерства внутренних дел и Министерства народного просвещения в России в 1834–1906 гг. // Проблемы культуры и искусства : Рос. аспирант. конф. : тез. выступлений. – СПб., 1999. – С. 40–43.
12. *Павлов М. А.* Министерство внутренних дел царской России как инициатор реформ в порядке допуска литературы в массовые библиотеки // Российская культура глазами молодых ученых. – СПб., 1999. – Вып. 8. – С. 178–184.
13. *Потанова Е. В.* Влияние духовно-цензурных комитетов на развитие библиотечного дела в России во второй половине XIX в. : автореф. дис. ... канд. пед. наук. – М., 1999. – 16 с.

³¹ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 1396. Л. 23–23 об.

БИБЛИОТЕКОВЕДЕНИЕ

14. *Рубакин Н. А.* Этюды о русской читающей публике: факты, цифры, наблюдения. – СПб. : О. Н. Попова, 1895. – 246 с.
15. *Смолянинова Н. Н.* Цензурное законодательство в области книгопечатания, книгоиздания, библиотечной деятельности (конец XIX – первая половина XX в.) // *Культурология в контексте гуманитарного знания* : материалы Междунар. науч. конф. (Курск, 6–7 окт. 2011 г.). – Курск, 2011. – С. 110–113
16. *Фут И. П.* Циркуляры цензурного ведомства 1865–1905 гг. // *Цензура в России: история и современность*. – СПб., 2006. – Вып. 3. – С. 106–132.
17. *Яковкина Н. И.* История русской культуры: XIX в. : учеб. пособие. – СПб. : Лань, 2000. – 573 с.

Материал поступил в редакцию 10.11.2012 г.

Сведения об авторе: *Строева Анна Александровна* – кандидат исторических наук, соискатель степени доктора исторических наук кафедры истории Отечества КГУ, тел.: (950) 879-53-45, e-mail: anna-2909@yandex.ru